

Эвелина Тень

Мой парень - снеговик



12+

Эвелина Тень

Мой парень – снеговик

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Тень Э.

Мой парень – снеговик / Э. Тень — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-03258-3

Жанр: школьное фэнтези. Даша Сереброва, ученица выпускного класса гимназии, знакомится с романтическим красавчиком, оказавшимся зимним духом. Новый мир и первое чувство влекут к себе так же сильно, как и пугают. Выберет ли Даша прилежную подготовку к ЕГЭ или рискнёт с головой погрузиться в новогоднюю сказку? Попытается ли совместить и то, и другое? Чтобы решить, Даше придётся повзрослеть, обретая опыт личной жизни в общении с экзотическим бойфрендом и закаляя характер в школьных буднях и дружбе-борьбе с одноклассниками. Зимняя сказка начинается...

ISBN 978-5-532-03258-3

© Тень Э., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Эвелина Тень

Мой парень – снеговик

Не понимаю, что такого романтического в старших классах. Ничего. По крайней мере в отдельно взятом выпускном классе нашей средней общеобразовательной школы. Вернее, не такой уж и средней – вообще – то она гордо называется гимназией (что означает резкий гуманитарный уклон), но это, впрочем, никак не сказывается на уровне романтики в повседневной жизни её учащихся. А ведь должно бы, если подумать. Мы же все такие утончённые: два иностранных языка, зарубежная литература, история искусств и, наконец, хореография. Да-да, именно что хореография, а не ритмика или танцы. В начальной школе я представляла себя эталонной благородной девицей, получающей образование и воспитание для того, чтобы в дальнейшем блистать в светских салонах. Благодаря усиленным занятиям к шестнадцати годам блеск появился, но запросов на него от высшего общества не поступало. Более того, я и с самым-то высшим обществом ещё не сталкивалась, и в глубине души росло смутное предчувствие того, что придется мне пересмотреть планы на светлое будущее и оставить мечты о многогранной и возвышенной профессии светской львицы ради прозаичного, но более востребованного ремесла экономиста. Но будущее будущим, а школа – школой. И вот я уже третий месяц пытаюсь найти хоть что-нибудь привлекательное в положении ученицы выпускного класса. И, увы, не нахожу. А ведь согласно американской подростковой литературе (и сериалам тоже) High school – это место (и время!), словно нарочно созданные для самых пикантных приключений. Кстати, отечественный кинематограф в последние годы активно разделяет эту точку зрения. Но, знаете, есть один момент, который лично у меня вызывает искреннее недоумение: и это не внезапное обретение сверхспособностей или рождение тройни от инопланетянина, нет, во всех этих «школьных» романах и фильмах НИКТО НЕ УЧИТСЯ! Нет, правда, там никто не учится! Герои заняты всем, чем угодно: успевают создать (и пересоздать) пары и даже семьи, попутно сделать карьеру фотомодели или поп-звезды, провести детективное расследование, объездить половину земного шара и даже спасти мир, но НИКТО НЕ УЧИТСЯ! Словно нет ни домашних заданий, ни профилей, ни факультативов, ни контрольных работ или тестов и не маячит перед бедными выпускниками страшилка под названием ЕГЭ (звучит-то как!)

Самое романтическое, что случилось со мной за последнее время – это то, как странно ёкнуло мое сердце, когда сегодня утром на автобусной остановке я выловила взглядом из толпившихся людей беловолосую макушку незнакомого парня. В общем-то, все потенциальные пассажиры общественного транспорта не были мне представлены, но за три месяца учебного года большинство лиц стало узнаваемым, потому что изо дня в день в одно и то же время мы все сосредоточенно собирались под пластиковым куполом остановки, чтобы к определенному часу почтить своим присутствием рабочие или учебные места. Конечно, иногда появлялись и новые «разовые» пассажиры, на одну поездку примыкающие к нашему «основному» составу, и среди них, бывало, попадались и молодые люди, но никто до сих пор не привлекал моего внимания. Дело было, скорее всего, в этой самой беловолосой макушке, размышляла я, прокручивая в памяти утреннюю встречу. Такой цвет сам по себе бросается в глаза, а потом с некоторым недоумением осознается и тот факт, что на улице минус десять, а обладатель шевелюры без шапки. Выпендрейник, фыркнула я, продолжая, однако, с интересом рассматривать всё, что было доступно моему взгляду, а это, кроме уже упомянутой выше белоснежной копны волос, были часть спины и рука, прикрытые довольно лёгкой спортивной курточкой. Что-то он одет не по сезону, неодобрительно подумала я, машинально потянувшись поплотнее запахнуть пуховичок и подтянуть повыше шарф. Или закаляется? А может, (у меня внутри всё перевернулось от жалости), его ограбили?! Я осторожно выглянула из-за стоявшей рядом женщины в воз-

расте, но ничего не рассмотрела и решила оставить эти попытки. Более того, надо отвернуться, посоветовала себе, чтобы не увидеть его лицо и не разочароваться: волосы слишком светлые, да что там, откровенно белые, наверное, он альбинос, а они такие страшненькие, бледные, без бровей, без ресниц, с красноватыми глазами. Я улыбнулась, вдруг осознав, что набросанный мною портрет скорее смахивает на вампира. И откуда эти красные глаза у альбиносов? Что за стереотипы! Хмыкнула иронично, но разочаровываться в парне всё равно не хотелось: уж лучше я унесу с собой это непонятное неожиданное волнение (если не сказать, томление!) и придумаю какую-нибудь красивую историю, чтобы помечтать на особо утомительном уроке (в конце концов, я же всё-таки гуманитарий), чем убедиться, что в нем нет ничего особенного, и моя жизнь так же сера, как и была до сих пор. Автобус развернулся и замигал правыми фарами, толпа на остановке всколыхнулась и вся подалась вперед. Я подобралась, крепче перехватывая рюкзачок, бросила прощальный взгляд на заинтересовавшего меня парня и... пораженно замерла, пригвожденная к месту, а именно, к моим двадцати пяти квадратным сантиметрам расширенного асфальта.

Его брови и ресницы действительно были очень светлыми, практически не заметными, и лицо если не бледное, то уж точно не смуглое и не загорелое, но всё это не имело никакого значения, потому что парень был потрясающе красив. А если говорю: красив, то мне можно доверять, поскольку в этих вопросах я весьма придирчива. Но не только это заставило меня застыть истуканом: незнакомец смотрел прямо на меня, пристально, доброжелательно, и не просто смотрел! Он... улыбался. Улыбался мне! И не игриво или насмешливо, лучась самодовольством от вида сраженной наповал малолетки, а искренне, мягко и даже... я споткнулась на этом слове... интимно? Словно на этой остановке никого, кроме нас с ним, не было, а сами мы были закадычными друзьями ну, по меньшей мере, лет сто.

– Девушка, вы заходите? – меня нетерпеливо подтолкнули в спину, я моргнула и заскочила в автобус. Не удержалась и обежала салон глазами, стараясь это сделать как можно безразличнее: беловолосого не было. Заняла сиденье у окна и прижалась носом к стеклу, косясь на остановку: парня не было и там. Странно. Он ушел? Почему? Или его кто-то подвез? Рядом сел грузный мужчина, неловко и весьма ощутимо заехав мне локтем по плечу. Что ж, добро пожаловать в реальную жизнь! Я улыбнулась. Всё, сказка закончилась. И то верно, целых пять минут романтических переживаний – это уже как-то слишком для серьезной ответственной гимназистки, целиком и полностью сосредоточенной на ЕГЭ.

Я вздохнула, поправила рюкзачок на плече и, прервав внутренний монолог-воспоминание, влилась в поток учащихся, штурмующих крыльцо родной муниципальной образцовой гимназии. Поскольку поток не иссякал (до звонка оставалась четверть часа), то и дверь не закрывалась, и алчущие знаний дети просачивались внутрь alma mater, время от времени прибегая к помощи локтей, бедер и коленей. По коридору мы все плавно перетекли в гардеробную. Там, не смотря на высокий статус школьного заведения, всё было как у нормальных людей: шум, гвалт, прыжки и толканье. Ученики радостно орали, приветствуя и пихая друг друга, и все как один стремились сдать замученным дежурным одежду вне очереди, неуклонно подгоняемые движением стрелок на огромных круглых часах. И никаких тебе «Пардоньте – муа» или «Не будете ли вы так любезны». Ничего подобного. Крики, суета, а иногда и ругань. В раздевалке для девочек было не протолкнуться. Я было заметила свободный стул, но мне наперерез бросилась какая-то девочка из средней школы, заодно чувствительно наступив на ногу. Пискнула что – то виноватое, но стул оккупировала и отдавать не собиралась. Вот тебе и уважение к старшим! Я со вздохом пристроилась к стеночке: мне главное теплые леггинсы с себя стащить, а всё остальное смогу сделать и в общем холле. Правда, чтобы снять леггинсы, сперва предстояло избавиться от угги.

– Дашка, привет! – раздался бодрый возглас подруги Ленки, за которым последовал такой же тычок в бок, от которого я запрыгала на одной ноге в сапожке, изо всех сил стараясь не

потерять равновесие и не уронить наполовину снятые штаны. Наконец, мне удалось сунуть вторую ногу (уже только в колготке) в туфлю и обрести необходимую точку опоры. Дальше переодевание пошло веселее.

– Привет, привет, – ответила. – Чего пихаешься? Не видишь – я в процессе.

Лена нахмурилась:

– А чего ты тут притулилась, как бедный родственник? Вон малышни полно, сейчас шуганём...

– Ты же знаешь, я против дедовщины, – наставительно произнесла, запихивая угли в пакет.

– Ой, дедовщина! Не смей меня! – Лена закатила щедро покрашенные тушью глаза. – У начальной школы своя раздевалка, а раз до средней дожили, значит, не такие уж и маленькие. И вообще, пусть привыкают к трудностям жизни, закалённые будут. С нами, что ли, кто-то нянчился? – и подруга уверенно потопала вперед.

– Эй, девочка! – донёсся до меня её властный голос. – Ты вроде уже переделалась, чего сидишь? Уступи место другим.

В ответ раздался какой-то писк (в Ленкиной жертве я с легкой мстительностью узнала ту школьницу, что отдала мне ногу), и вожделённый стул освободился. Девочка потащила ворох одежды к выходу.

– Спасибо, – вежливо сказала ей, но конечности на всякий случай держала поближе к себе.

Подруга тут же плюхнулась на сиденье и расстегнула сапоги. Я повесила рюкзак на крючок и размотала шарф.

– Слушай, ты домашку по алгебре сделала? – как бы между прочим пропыхтела Ленка, расправляясь с обувью.

– Да, – я засунула шапку и шарф в рукав пальто, а леггинсы – в пакет с угли.

– Правда? – удивилась Лена.

– А бывало иначе? – теперь удивилась я.

– Вообще-то нет, – промямлила подруга, энергично борясь с рукавами пуховика и одновременно с девушкой из параллельного класса, которая разместила свои пожитки так, что они всё время съезжали на наш стул. Вернее всё же, не с девушкой, а с её сумкой, нагло вторгшейся на нашу территорию. – Но ведь математичка совсем озверела – одних номеров задач на полстраницы! Я их и записывать-то до конца не стала.

Лена отпихнула вражескую сумку на соседнее сиденье, собрала варежки и теплые носки, положила в пакет.

– Дашь списать? – деловито поинтересовалась она и тут же добавила в голос немного заискивания. – Ну, Дашуль, пожалуйста, не всем же быть такими умными!

– Списывай, что успеешь, – великодушно разрешила я, но тут же не удержалась от замечания, – хотя могла бы и сама поднапрячься разок!

– У нас гимназия вообще-то, а не лицей, – резонно заметила Елена, направляясь к двери, – я – ярко выраженный гуманитарий.

– Ага, и потому у тебя по всем языкам тройки, – съязвила, продвигаясь за ней, – и ладно бы по иностранным, так и по русскому тоже.

– Ну, подруга, уела так уела, – сокрушенно покачала головой Ленка, занимая очередь в гардероб после того, как попытки избежать этого были решительно пресечены дежурным учителем.

– Ладно, извини, – примирительно сказала. – Просто я вчера до полдевятого с этой алгеброй сидела, а так хотелось книжку почитать. Я новую купила, фэнтези, про любовь...

– Странное у тебя пристрастие – книги читать, – недовольно прокомментировала Лена, – глаза за день не устают, что ли?

– Мы же гуманитарии, – поддела её я.

– Лучше бы «Закрытую школу» посмотрела, она в девять идет, – продолжала подруга, игнорируя мою реплику, – так и уроки бы сделала, и удовольствие получила.

– Это же повтор, фильм – то старый совсем, – пожалала плечами. – Я ещё в прошлый раз всё смотрела.

Мы сдали в гардеробную одежду, получили номерки и быстрым шагом (или правильное лёгкой трусцой) направились в класс. Первым уроком, как вы уже поняли, была алгебра, и это настроение никоим образом не улучшало, а жажду романтики и приключений только усиливало.

– Лена, Даша, доброе утро!

– Дашка, привет! Как дела?

Мы вошли в класс, и одноклассники приветствовали нас. Хи – хи, прямо стихи! Кстати, как вы уже, наверное, догадались, меня зовут Дарья. Если кто – то думает, что это редкое имя, то, значит, он родился не в этом веке, и даже, пардон, не в конце прошлого. На нашем потоке три Даши. К счастью, судьба была милостива к нам и ухитрилась разместить по одной Дарье в каждый из трех классов, так что среди «ашек» у меня не было конкуренток. Я в очередной раз вознесла за это хвалу ангелу – хранителю и покровителю, здороваясь с двумя Кристинами и тремя Елизаветами, которым повезло меньше. Вообще, судя по моим одноклассникам, на рубеже столетий фантазия детородного населения нашего города претерпела значительный творческий подъем, и оттого меня уже десять лет радуют своим обществом Савелий, Эрнест и даже Пафнутий. И если имена первых двух редко, но всё же попадались среди прочих учеников школы, то родители Пафнутия смогли отличиться даже в нелёгких условиях всеобщего выпендрежа.

Я бросила на стол тетрадь и учебник. Лена любила часть урока провести за медитативным наблюдением за жизнью вне школы, меня же часто вызывали к доске, поэтому мы разместились, исходя из этих реалий: подруга у окна, а я – у прохода между партами. И если вы думаете, что учителя спрашивают чаще двоечников, то вы жестоко ошибаетесь. В выпускном классе к доске вызывают того, кто хоть что-то на этой доске может написать.

– Хелло, гёрлы, – с задней парты галантно просипел Пафнутий, в простонародье Фунтик. Надо отметить, что это прозвище ему подходило чрезвычайно, особенно в начальной школе, когда и надёжно за ним закрепилось: образ мультяшного несурзального поросёнка с печальными глазами, казалось, был словно срисован с худосочного мальчика. К тому же имя Пафнутий не предполагает разнообразия сокращённых форм, поэтому учителя с первого класса уважительно называют Кривобокова полным именем, а одноклассники, испробовав Пафика и Нутика, единогласно остановились на Фунтике. Правда, оказалось, что родители иногда зовут его Феней, но он признался в этом слишком поздно, да и на мой взгляд разница между Феней (ласково это Фенечка, что ли?) и Фунтиком не так уж велика. – Как ваше ничего?

Я кивнула, а Ленка игриво ответила:

– Наше-то очень даже, а твоё как?

Но Фунтик уже погрузился в себя, потеряв интерес к разговору и придав взгляду самоуглублённое выражение. Не дождавшись от него реплики, подруга начала интенсивно рыться в моей тетради в поисках выполненных заданий.

– Всем привет! – Савелий бухнулся за стол рядом с Пафнутием.

– Привет, Савка, – сказала я и невольно покосилась на его объемный рюкзак, который он с грохотом бросил на пол: такое впечатление, что расписание Савке не ведомо, и он на всякий случай таскает все учебники, какие есть, и ещё дополнительную литературу. Или что у него там, гантели? Чтобы мускулатуру заодно подкачивать? Что ж, у каждого свои закидоны. Вот, например, судя по размерам и весу Фунтиковой барсетки, тот в школу берет только авторучку и свернутую в трубочку одну – единственную тетрадку на все случаи жизни.

Я уселась за парту, достала зеркальце, поправила волосы и огорченно вздохнула, обнаружив на подбородке прыщ, которого вчера ещё вроде не было. Ладно, сейчас всё равно его давить рано, да и заразу могу занести, до вечера придется продержаться. Так, через пару минут звонок. Я бросила последний придирчивый взгляд, спрятала зеркальце в рюкзачок и... ойкнула, вздрогнув от резкой боли в спине.

– Эй, Сереброва! – Савелий увлеченно тыкал карандашом мне под лопатку. – Дай алгебру списать!

– А вербальное общение тебе недоступно?! – возмутилась я и, морщась, потерла спину.

– Чего? – озадачился Савка. – Ты не умничай, не в Оксфорде.

– Просто спросить не мог? – перевела я. – Зачем синяки ставить?

– Так доходчивее, – пояснил Савелий. – Дай тетрадь, я только до двести срокового задания дошёл.

– До дести сорокового? – ехидно улыбнулась я. – Это в смысле решил два из двенадцати заданных?

– Я у неё уже списываю, отстань, – подала голос Ленка, ставя рекорды по скорописи. – Вон у Фунтика попроси, он тоже умный.

И мы все трое посмотрели на Пафнутия, который сидел с остекленевшим взглядом и доброжелательно нам улыбался. Враги сказали бы: обдолбанный пацан, но это была бы наглая ложь. Просто Фунтик жил в своем мире, который с нашим соприкасался редко и неактивно.

– Ну или умело прикидывается таковым, – моргнув, внесла коррективы Лена и вернулась к алгебре.

Оглушительно прозвенел звонок, и в ту же секунду в класс влетела учительница математики, словно поджидала сигнала под дверью. Все ученики сикоса – накося поднялись и таким же нестройным хором прогундосили: «Здравствуйте, Валентина Сергеевна!» Вышеобозначенная дама бросила в ответ неразборчивое приветствие, краткостью и энергичностью больше всего смахивающее на «Физкультпривет!», и, не сбавляя скорости, устремила к доске, на ходу выхватывая из папки план урока.

– Так, сегодня нам предстоит дорешать задания с номера 251 по номер 257, а дальше уже выборочно... – и она застрочила мелом. – Номер 259, номер 261 – 262, номер 265, номер 266 – о, это очень интересно! Так, номера с 269 по 272, ну и, конечно, номера 274 и 275. Если кто-то не успеет всё выполнить на уроке, не расстраивайтесь, добавьте несделанное к заданию на дом.

Класс заметно поскуchnел.

– Ненавижу, когда алгебра с утра, – констатировала Лена, да и моя рука дрогнула уже где-то на номере двести шестьдесят один.

– Но сперва проверим быстренько домашнюю работу, – Валентина Сергеевна обернулась и только тут заметила Илью, неторопливо шествовавшего к своему месту (в класс они с математичкой зашли одновременно). Молодой человек подошел к парте, обменялся рукопожатием с другом и открыл рюкзак.

– Илья? – недоумённо моргнула Валентина Сергеевна. – Вы почему до сих пор не готовы? Чего вы ждете?

– Третьего звонка, – нахально ответил парень, вызвав волну приглушенных смешков.

– Вы не в театре, – отрезала учительница, – хотя покрасоваться любите. С вас мы и начнем...

– Я ещё даже тетрадь не достал! – возмутился Илья, медленно выкладывая на стол учебник. Видимо, их с учителем жизненные ритмы существенно отличались друг от друга по скорости.

– Так, значит, вернёмся к вам через минуту.

– Лучше через пятнадцать, – фыркнула Ленка, впрочем, достаточно тихо, чтобы ни Валентина Сергеевна, ни Илья не расслышали. Математичка обратила ищущий взор на ученические ряды.

– Я, я готов! – Савелий высоко поднял руку. – Какое решить? Двести тридцать девятое или двести сороковое?

– Нет, это детские задачки, не интересные, – отмахнулась Валентина Сергеевна. – Давайте сразу двести сорок шесть!

Савка резко убрал руку и даже, кажется, попытался втянуть её в плечо.

– Так кто хочет рассказать нам, как справился с двести сорок шестым заданием?

Добровольцев не находилось: три четверти класса до двести сорок шестого задания не добрались, а оставшаяся четверть твердо решила не нарываться.

– Савелий, вы хотели ответить?

– Я? – искренне изумился Савка. – Нет-нет. Я в прошлый раз отвечал.

– Пафнутий? – и класс затих, с интересом наблюдая за Фунтиком.

– Пафнутий, вы меня слышите? – повторила Валентина Сергеевна громче.

– Эй, – Савка пнул друга под столом.

– Пафнутий, вы решили номер двести сорок шесть?

Фунтик вздрогнул и попытался сфокусировать взгляд на математичке, мы с Ленкой завожено за ним следили.

– А – у – ээ... – глубокомысленно изрёк Фунтик. – Ээ- ыыы...

Пафнутий продолжал издавать не поддающиеся расшифровке завывания, когда Валентина Сергеевна наконец-то вернулась к годами проверенному методу и вызвала к доске одну из трёх Елизавет.

– Ну ты даешь, Фунтик! – вполголоса восхитилась я. – Это что за брачные кошачьи вопли были? Слушай, а, может, ты оборотень?!

Парень послушно кивнул, но судя по маете в темных глазах вообще не понял, о чем идет речь. Зато подруга мою идею подхватила.

– Точно! – она окинула Фунтика оценивающим взглядом. – У кого там вервольфы всякие, а у нас оборотни – поросята в панамках. Экология такая!

Я живо представила себе Пафнутия в то ли женской, то ли детской панамке, инфернально хрюкающего на полную луну, и заулыбалась.

– Панамка – это важно, – шепнула Ленке.

– У Фунтика в мультике ещё вроде комбинезончик был, с бантиком, – нахмурилась, вспоминая, подруга.

– Не, комбинезон не катит, – я давилась смехом, – в нем не перекинешься – порвется, а вот панамка – очень удобно.

Ленкины глаза заискрились.

– Ага, – догнала она. – Всегда целая и если что – можно прикрыть самое дорогое.

Мы захихикали.

– Сереброва, что вы нашли смешного в двести сорок седьмом задании? – раздался строгий голос Валентины Сергеевны.

О, они уже до двести сорок седьмого добрались? Только самый извращенный ум мог найти что-нибудь веселое в задании по алгебре, поэтому я просто извинилась, одновременно мысленно сетуя на жизненную несправедливость: смеялись мы с Ленкой вдвоем, а обругали меня одну!

– Покажите вашу тетрадь, – Валентина Сергеевна решительно подошла к нашей парте. – Так-так, хорошо. А вот тут можно было поподробнее! Я же вам говорила: записывайте всё решение пошагово!

– У меня в черновике, – защищалась я.

– В черновик никто смотреть не будет! – сурово заявила математичка. – Груздева, а вы домашнее задание сделали?

– Конечно! – Лена с готовностью развернула к ней свою тетрадку.

– Что же, Груздева, очень даже неплохо, – одобрительно хмыкнула Валентина Сергеевна, – вы даже с двести пятидесятым заданием справились, а оно очень непростое! Поставлю вам плюс.

Подруга скромно и польщённо потупилась, а я второй раз за утро ощутила обиду на жизнь: решала-то я, а похвалили Ленку!

– Вот видите, Сереброва, – Валентина Сергеевна посмотрела на меня из – под очков в тонкой оправе, – Груздеву вы по алгебре уже подтянули, теперь займитесь и Кривобоковым с Заболоцким, а то позор – такие способные юноши, а по математике с двойки на тройку перебиваются!

И Валентина Сергеевна отчалила к Елизавете, скучающей у доски, оставив меня ошарашенно моргать ей вслед.

– Говорил же заняться мной! – Савелий вонзил мне в спину карандаш. Я подпрыгнула. Вот ведь гад, просила же так не делать! – А ты жадничаешь!

– Заболоцкий! – я угрожающе развернулась к нему. – Ещё раз ткнешь в меня – и всё, тебе конец!

– Ладно-ладно, – проворчал Савка.

– Придурок, – фыркнула Ленка. – Ты не обращай внимания, всем не поможешь.

– Ага, – усмехнулась я.

– Поэтому главное – лучшей подруге помочь, – продолжала развивать свою мысль Лена, – а остальным – как получится.

– Какое мудрое замечание! – восхитилась я. – Значит, главное – помочь тебе?

– Да, – серьезно ответила подруга, – мне без тебя нормально ЕГЭ не сдать.

– Угу, – глубокомысленно пробормотала я.

С проверкой домашки было покончено, и в классе наступила тишина: все корпели над новыми примерами, с ужасом гадая, успеют ли справиться хотя бы с половиной. Лена тоже пыхтела над учебником, время от времени заглядывая мне в тетрадь, но я вредничала и прикрывала написанное рукой. Хотя какой в этом смысл? Всё равно же потом дам списать.

– Сереброва! – прохрипел сзади Савелий. Ну, он достал меня сегодня!

– Эй, Сереброва! – повторил он, и я ощутила шлепок по плечу. Весьма чувствительный, надо сказать!

– Заболоцкий! – взвилась. – Я тебя предупреждала!

– Я и не тыкал, – Савелий смотрел на меня круглыми честными глазами. – Чего ты завелась? Это линейка, она не деревянная даже! – и он для убедительности погнул линейку туда-сюда.

– Заболоцкий! – прошипела, не находя других слов.

– Так я чего хотел, – невозмутимо продолжал парень, – мы договорились, я домашку не делаю?

– Савелий, – зловещим голосом ответила, – мы не договорились. Списывать я тебе не дам. А если ты ещё раз меня тронешь – хоть пальцем! – не говоря уже о других частях тела и окружающих предметах – я тебе врежу, честное слово!

– Я ему сам врежу, – внезапно негромко сказал Пафнутий, и мы удивленно на него уставились.

– О, поглядите-ка, кто снова с нами! – Лена кокетливо состроила Фунтику глазки. – Ты куда из реальности-то выпадал?

– Серьезно, Фунт, – фыркнул Савка, – такое блеянье... Я чуть живот не надорвал!

– Никуда не выпадал, – с достоинством ответил Пафнутий. – Просто я задумался, а тут математичка со своими вопросами!

– Ну да, неожиданно получилось, – поддержала его я, – на алгебре – и вдруг про задачи спрашивают!

– Не умничай, Сереброва! – рыкнул на меня Савка и схватил линейку явно с нехорошими намерениями, но под нашими совместными с Фунтиком взглядами сник и стал игриво ею помахивать.

– Дарья, потише, пожалуйста, – подала голос математичка от учительского стола, – вы мешаете другим.

Задохнулась от обиды: а чего опять я?!

– Это Заболоцкий, Валентина Сергеевна, – вступился за меня Пафнутий, укоризненно глядя на Савку.

– Тем более, – весело сказала учительница. – Я попрошу вас, Дарья, все свои вопросы с Савелием решать вне школы.

Чего?! Нужен мне Заболоцкий ещё и за пределами класса! Я поймала насмешливый взгляд нашей примадонны Валерии Бычковой, услышала, как сзади глумливо захихикал Савка, и едва сдержалась, чтобы не развернуться и не треснуть его по голове учебником. Остановило меня только хорошее воспитание, а также трезвое соображение, что мне до Савки не дотянуться. Тут прозвенел звонок на перемену.

– Кто-нибудь хочет выйти? – спросила Валентина Сергеевна.

Возможно, вопрос мог бы показаться странным – но не для нас. Дело в том, что у нас шла вторая неделя так называемого технического цикла, поэтому следующим уроком была снова алгебра, впереди ждали геометрия, две физики, английский и на десерт – физкультура. Оттого между алгебрами мы обычно не прерывались: так больше шансов всё сделать в классе, а не тащить груз нерешенных примеров домой.

Савелий пошел прогуляться, Илья с подругой («Пообжиматься», – ворчливо прокомментировала Ленка), ещё две девушки вышли из кабинета – вот и всё, остальные продолжали усердно заниматься. В тяжком, почти непосильном труде прошла ещё одна алгебра. Перед геометрией Валентина Сергеевна подозвала меня к себе и негромко поинтересовалась:

– Дарья, может, мне пересадить вас к Заболоцкому?

– Зачем это, Валентина Сергеевна?! – опешила я.

– Так вам не нужно будет всё время вертеться, – пояснила учительница, – и вы вдвоем сможете достигнуть лучших результатов. Я же вижу, вы с ним дружите.

– Мы дружим? – глуповато переспросила.

– А что такого? Вот Валерия сама попросила посадить её к Илье.

– Мы же не первоклашки, чтоб нас рассаживать...

– Может, вы сами стесняетесь? – предположила математичка.

Я в растерянности оглянулась и заметила, как греет уши вышеназванная Валерия Бычкова, уже успевшая вернуться со своим Илюшей с перемены. Примадонна окинула меня понижающим взглядом и ехидно заулыбалась.

– Валентина Сергеевна, – Пафнутий материализовался рядом с учительским столом, – если вам так хочется куда-нибудь переместить Дашу, посадите её со мной.

– А с вами-то зачем? – подозрительно воззрилась на него училка.

– В этом случае Савелий будет сидеть перед Дашей и ему будет труднее её доставать, – пояснил Пафнутий.

– Доставать? – озадаченно повторила Валентина Сергеевна. – Но Груздева не сможет положительно влиять на Заболоцкого в плане учёбы! Вот Валерия с Ильей...

– Я могу сесть с Валерией, – с готовностью сказал Савка, неизвестно когда появившийся в классе.

– А я, так и быть, посижу с Ильей, – великодушно предложила Ленка со своего места. А ведь, казалось, все заняты своими делами, и наш разговор никто не слышит!

– Размечталась! – прошипела Валерия, ошпарив Груздеву презрительным взглядом.

– Бычкова, ведите себя вежливо! – одернула её математичка.

– Давайте все останемся на своих местах, – примирительно подытожила я.

Прозвучал звонок, и мы побрели к своим столам.

– Спасибо, – шепнула Фунтику, – ты сегодня прямо сэр Галахад!

Пафнутий тоже был гуманитарием, поэтому переспрашивать не стал, а ответил:

– Не такой уж и Галахад. Можно было предложить пересадить нас с Савкой перед тобой, ну, просто поменяться партами.

– Точно! Это мысль! – воскликнула я и передо мной как наяву возникла восхитительная картина того, как я с остервенением тычу в спину Заболоцкого всеми доступными мне острыми предметами. – Почему же не предложил?

Фунтик криво улыбнулся:

– Но тогда вертеться пришлось бы мне. Так что никакого джентельменства...

Я усиленно заработала мозгами: нет ли в этой фразе романтического подтекста? Ну, в смысле, что ему хочется смотреть на меня? И каково моё отношение, если есть? Бросила быстрый критический взгляд на Пафнутия: он был высокого роста и всегда модно стригся. Но это, собственно, и были все достоинства его внешности, к тому же из-за худобы высокий рост превращался в долговязость, а классная стрижка в сочетании с простоватым носатым лицом смотрелась скорее забавно, чем стильно. Н-да, герой не моего романа...

– К тому же я чувствую себя виноватым из-за «Щелкунчика», – успел шепнуть мне Фунтик до того, как Валентина Сергеевна громогласно объявила:

– Начинаем урок геометрии. Тема урока...

«Щелкунчик», да. Геометрия была не так страшна как алгебра, поэтому я позволила себе слегка отвлечься и вспомнить про «Щелкунчика». В нем причина того, почему я вместо физкультуры иду на дополнительную хореографию. Каждой приличной школе полагается иметь традицию, и, лучше всего, культурную – такая была и в нашей гимназии. Каждый год у нас силами учащихся ставили балет «Щелкунчик». Вернее, ставили-то его, конечно, учителя, но танцевали мы, дети. Конечно, это был сокращённый и переработанный вариант балета, но всё же постановка требовала много усилий и, в конце концов, зрелище выходило грандиозным (по школьным меркам). И каждый (каждый!) ученик оказывался причастным к этому волшебному действу. В этом году мы везли «Щелкунчик» в Америку, в город – побратим Луисвилль, поэтому репетировали особенно тщательно, по крайней мере, тот состав, который утвердили лететь за океан. Меня утвердили, и я танцевала Мари. Если честно, то одна из трёх Елизавет – а именно, Алтуфьева, была ничуть не хуже меня, а если объективно, то и лучше, – но воспротивились преподаватели: в этом году нас ожидал ЕГЭ, и вроде как Лиза с её посредственной успеваемостью никак не могла пропустить целых две недели учебного процесса. Особенно возражала учительница английского: Алтуфьева в первой четверти едва вытянула предмет на тройку, и Маргарита Викторовна опасалась с такой подопечной опозориться. Видимо, нам в Америке предстоит также активно общаться, как и танцевать.

Я вздохнула. Мой Принц-Щелкунчик – Пафнутий – также останется в городе и будет выступать с Лизкой в главном спектакле школы. Его родители тоже посчитали, что Фунтик должен усиленно готовиться к единому госэкзамену и потому ни дня школы пропустить не может. Фунтик возражать не стал: он в Америку последние три года каждое лето летает, у него там тётя живет, вышедшая замуж за преподавателя колледжа. Так что для него одной поездкой больше, одной меньше – какая разница? Не то, что мне – я и в Турции-то прошлым летом впервые побывала! Так что я в Америку хотела, и очень, потому рискнула и ЕГЭ, и свободным

временем: до поездки оставались две с половиной недели, и мы репетировали практически каждый день.

В раздумьях и мечтах геометрия пошла быстрее, а поскольку Савелий ни разу за весь урок не ткнул меня и не ударил, то жизнь, похоже, начала налаживаться. Я пару раз посмотрела на наручные часы, потом то же самое проделала Лена.

– Слушай, у меня они отстают, что ли? – озадаченно пробормотала подруга, пытаясь одним глазом смотреть в тетрадь, а другим следить за секундной стрелкой. Ну, последнее усилие, и вот он, долгожданный звонок! Старательно сгорбленные над партами спины тотчас же распрямились. Огорченная Валентина Сергеевна торопливо продиктовала список домашних заданий, и мы их даже послушно записали перед тем, как соскочить с места, побросать пожитки в рюкзаки и вылететь в коридор. Там мы – я, Лена и две девчонки с парты перед нами – слегка притормозили и переглянулись.

– Ура! – выразила общую мысль Лена и вздохнула с облегчением. – Ура! Что у нас там дальше по плану?

– Физика, что же ещё? – ответили Ольга с Оксаной – девушки, с которыми мы дружили партами.

– Физика, слава Богу! – пробормотала я и ужаснулась: это до какого же состояния надо довести юных и весьма недурных дев, чтобы они физике радовались?!?

– К тому же это четвертый урок будет, – мечтательно заметила Лена, и наши лица дружно прояснились: после четвертого урока наступал обед. Вчетвером мы направились в кабинет физики, полные энтузиазма и самых радужных ожиданий. Привычно лавируя среди одношкольников, мы добрались до лестницы и начали подъём, и тут нас атаковали три пацанёнка, с громкими воплями сбегавшие со второго этажа.

– Так, мелочь, что за дела? – Лена крепко ухватила за руку одного из мальчишек, имевшего неосторожность со всей силы врезаться ей в живот.

– Начальная школа? – мы, нахмурившись, уставились на фиолетовый трикотажный жилет нарушителя порядка. – Что вы здесь делаете?

В качестве лирического отступления расскажу о форменной одежде нашей школы, разработанной известным городским дизайнером (хотя всё кажется настолько простым и незамысловатым, что непонятно, что тут было особо разрабатывать, да ещё и специально приглашенному дизайнеру). Итак, все ученики в качестве отличительного признака носили плотные трикотажные жилеты, гордо украшенные эмблемой гимназии: начальная школа – темно-фиолетовые (к ним шли такие же брюки и юбочки), средняя школа – серые (которые комплектовались серыми же брюками и – вот она, находка модельера! – серыми юбками в красно-черную клетку), и старшие классы – темно-синие (с низом такого же немаркого цвета). Блузки и рубашки дозволялось выбирать на свой страх, риск и вкус, оставляя ограниченную, но реальную возможность для воплощения естественного человеческого стремления к индивидуальности и творчеству. Отмечу, однако, что идея самовыражения через одежду покинула меня ещё в средней школе, когда пришлось перейти на самостоятельную стирку и глажку и формы, и всех сопутствующих ей элементов. Так что на текущее время мой гимназический гардероб помимо синих жилета и юбки по колено состоял из трех водолазок: простой белой, серой и, для особенных случаев, белой с темно-синим кантом и вышитым на вороте цветком.

– Вы зачем на второй этаж ходили? – строго спросила Лена, цепко держа первоклассника, несмотря на все его многочисленные попытки избавиться от её хватки. Оксана с Ольгой сдвинулись, преграждая ему путь к возможному бегству. Ещё два пацанёнка притормозили внизу и, нерешительно переглянувшись, вернулись, не желая оставлять товарища на растерзание злым теткам (то есть нам).

– Мы на скелет бегали смотреть! – крикнул один из них, предусмотрительно сохраняя дистанцию.

– В кабинет биологии, что ли? – Мы обменялись понимающими ностальгическими улыбками. – Ну и как, страшно?

– Не знаем, – пропыхтел пойманный нами мальчуган. Он перестал вырываться и смотрел на нас обреченными грустными глазами. – Там большие парни сидели, мы не стали заходить.

– А чего ж тогда орали? – удивилась я.

– Ну, так вообще... – нарушитель дисциплины смущенно отвёл взгляд.

– Адреналин, – со знанием дела прокомментировала Лена. – Хохма вообще-то, сбежали ещё до того, как скелет увидели.

– Вот-вот, хе-хе, – захекала Ольга (она имела старательно выработанную привычку именно хекевать, а не хихикать или похохатывать), – ходили на мертвяка смотреть, а испугались живых.

– Ну, живые, они пострашнее будут, – философски заметила я.

– Тем более, если это одиннадцатый «Б», – добавила Оксана, и мы, переглянувшись, дружно зафыркали.

– Ладно, младшим надо помогать, – назидательно заявила Груздева, и карие глаза её озарились глубоким внутренним светом. – Пойдемте, пацаны, мы вас в биологию проведем.

И не выпуская из цепких рук проштрафившегося мальчугана (который, судя по выражению лица, уже потерял всякий интерес к человеческим костям и теперь явно тяготился нашей компанией), Лена решительно потопала вверх по лестнице. Мы (я, Ольга, Оксана и двое первоклашек – все заинтригованные и вдохновленные) потянулись за ней.

– Эй, бэшки! – заискивающе улыбнулась Ленка, заглядывая в кабинет. – Можно к вам на экскурсию? Свет погасите!

На её монолог обратили весьма вялое внимание: только двое парней за крайней партой прервались на полуслове и недоумённо на нас покосились, для остальных же наше появление прошло незамеченным.

– Чего? – изыщно, как это и свойственно ученикам – гуманитариям, поинтересовался один из «бэшек». Я не уверена, но, кажется, его звали Виталик.

– Малышне хотим скелет показать! – пояснила Лена, нетерпеливо переступив с ноги на ногу.

– А! – немногословно, но всё также утончённо обозначил своё понимание ситуации Виталик, переведя взгляд на томящихся пацанов за нашими спинами.

Потом он подмигнул патлатому соседу, и их лица оживились. Лохматый бросился к выключателю. Класс погрузился в полумрак: солнечных дней поздней осенью (а сейчас стоял ноябрь) у нас в городе почти не бывает, а скупой свет, которому удавалось всё-таки просочиться в окна, был полностью поглощён многочисленными растениями в кадучках, среди которых были замечены и гигантские драцены, и даже пальмы. Так что и ученические ряды, и тем более, заповедный угол со скелетом оказались интригующе затемнены.

– Эй, что ещё за интим не по расписанию? – донесся недовольный голос откуда-то из недр класса, но мы его дружно проигнорировали.

– О, у меня есть фонарик! – радостно воскликнул патлатый и, обогнув стеллаж со скелетом, попытался сзади его подсветить.

– А это уже не чересчур? – засомневалась я.

– Вдруг малышня от страха описается, хе-хе? – поддержала меня Ольга, но Ленка уже разворачивала упирающихся пацанов к объекту.

– А – а – а! – тоненько и восторженно завизжали первоклассники, не делая, однако, никаких попыток спастись бегством. – Ух ты!!! Круто!

Я была с ними совершенно согласна: человеческий скелет в загадочном свете фонарика, отраженном от стекла, выглядел весьма впечатляюще.

– А он настоящий? – спросил наиболее любознательный из мальчишек.

– Конечно! – Лена сделала страшные глаза. – Ещё какой настоящий!

– У него и имя есть – Вася! – включился в игру Виталик, приобнимая стеллаж.

– А почему Вася? – сдавленно пискнул самый мелкий из первоклассников.

– Потому что так его раньше звали, – скорбно ответил Виталик.

– Да, хе-хе, – захекала Оля, печально вздохнув и картинно опустив глаза. – Вася, эх, Вася, и зачем ты плохо учился и злил биологичку?!

При этих словах мальчишки дико переглянулись и бросились вон из класса, сопровождаемые нашим громким смехом.

Патлатый (его имя я так и не вспомнила – может, Саша?) погасил фонарик, и все мы некоторое время задумчиво рассматривали скелет, словно увидели его впервые.

– Кстати, меня тоже всё время мучил этот вопрос, – призналась. – Он настоящий или это муляж?

– Настоящий, настоящий, стопроцентно! – закивал головой Виталик, а патлатый на заднем фоне начал жутко подвывать. – Ты посмотри, какие косточки!

– Да ладно... – недоверчиво фыркнула я.

– Муляж это, – категорично заявила Оксана.

– Да что вы! – патетично взмахнул руками Виталик. – Васю не узнаете?! Конечно, он настоящий! Я его знал ещё таким... таким...

– Мясистым? – подсказала я, и все согнулись пополам от хохота.

– Точно, мясистым и волосатым! – поддержал Виталик.

– И глазастым! – добавила Лена.

– И ушастым, – продолжила Оксана.

– И со всеми внутренними органами, хе-хе, – подытожила Ольга.

– Ох, ржачка! – Пробормотал патлатый, утирая слезы, и безо всякого перехода сообщил:

– Кстати, ашки, только что звонок был.

– Вот блин! – лаконично выразила наши общие чувства Лена, и мы дружной четверкой вымелись из кабинета, по пути едва не сбив учительницу биологии, входящую в класс.

Энергично пробежавшись до кабинета физики, у самых дверей мы чуть не столкнулись лбами с Савелием и Пафнутием. Савелий, конечно же, рвался в класс первым, но Фунтик попридержал его за шиворот, галантно дав нам возможность пройти. По счастью, учительница физики не поджидала звонка под дверью как математичка, оттого наше лёгкое опоздание прошло незамеченным.

Торопливо шепнув Фунтику кто «Сэнкс», а кто – «Мерси», мы заняли свои места. Буквально через минуту в коридоре раздалось бодрое цоканье и в кабинете материализовалась Валентина Афанасьевна Лямина (по вполне объяснимому прозвищу «Вафля»). Энергично переставляя толстенькие ножки в лакированных туфлях на шпильках, физичка взгромоздилась на кафедру (здесь были и кафедра, и огромный демонстрационный стол на возвышении) и радостно всем улыбнулась:

– Здравствуйте!

Мы заулыбались в ответ: Валентина Афанасьевна почти всегда находилась в отличном расположении духа (предположительно, потому что не изводила себя диетами) и невозможно было хмуриться, глядя на её кругленькое сияющее лицо в обрамлении черных непослушных кудряшек. Урок прошел на «ура»: Вафля была учителем увлечённым и объясняла всё понятно и с неподдельным энтузиазмом, так что даже Ленка, составлявшая на листке бумаги список потенциальных кавалеров, отвлеклась от своего занятия и заинтересованно подняла голову. Минут за десять до звонка, правда, этот интерес был утерян, и не только ею одной. Физика физикой, а кушать к полудню молодым растущим организмам хочется уже до бульканья в животе! Нетерпеливо поглядывая на часы, учащиеся нашего класса синхронно переместились на самые краешки стульев, удерживаясь на поверхности одной полупопицей. И как только

раздался долгожданный звонок, все рванули из класса. Не буду врать: девочки мчались в столовку, также неистово галопируя, как и юноши, причем даже те, что пребывали на хроническом похудении. Споткнувшись на паре портфелей у входа, брошенных кем-то из средней школы, и ещё через парочку ловко перепрыгнув, мы с Леной благополучно достигли цели забега. Тут же одноклассники разбились на слаженные четверки, устремились к своим столикам и жадно оглядели выставленное на них угощение. Так, на закуску вареное яйцо с майонезом (ну что ж), дальше молочный суп (фу-у!), на второе – пюре с бифштексом и кусочком солёного огурца (очень даже) и, наконец, чай и шанежка с повидлом (ура!). Мы с Леной торопливо надкусили шанежки: поместили. Поскольку прибежали первыми, то проделали это с теми экземплярами, на которых повидла было больше, по крайней мере, визуально. Тут же подоспели и Оксана с Ольгой и стали разливать суп. Флаг им в руки, я молочный суп с ясельной группы терпеть не могу.

Мимолетно покосившись на соседние столы, Лена прочавкала:

– А Фунтик с Савкой где?

– Их Вафля задержала, – ответила Ольга, выуживая из молочного супа пенку. Меня чуть не стошнило. – Чего-то там внушает.

– Бедняги! – совершенно искренне посочувствовала Лена, заедая жалость бифштексом.

Я согласно кивнула, живо представив, как мучаются почти двухметровые парни, мечтая об обеде.

– Не замечала за Вафлей такой жестокости, – задумчиво проронила.

– Да это Савелий её разозлил, – пояснила Оксана, – придушивается вечно...

На время разговор прервался: всё сосредоточилось на еде. Уф! Я отодвинула пустую тарелку из-под второго. Первый голод был утолен, и теперь можно было с чувством, с толком, с расстановкой – нет, не почитать, – а попить чай. Я взяла кружку и с удовольствием сделала глоток. Появились и Фунтик с Савелием и настороженно оглядели заметно опустевший стол: их соседи – Егор и Илья – уже поели и ускакали. Фунтик сгреб в сторону грязную посуду, Савелий поболтал поварёшкой в кастрюльке с супом. Я от нечего делать за ними наблюдала, не спеша поедая шанежку и запивая её чаем.

Савка зачерпнул суп.

– Это ещё что за...?! – выругался он, и я заглянула в поварешку: в ней покоилось варёное яйцо из закусовых. И кто его туда? Вряд ли Егор с Ильей, взрослые вроде люди. Савелий, раздражённо пытаясь, выложил яйцо на грязные тарелки и предпринял вторую попытку. На этот раз он выудил кусок белого хлеба, уже весьма размякший.

– Хи – хи – хи, – раздалось тоненькое рядом со мной.

Я обернулась. Оказывается, все мои подружки перестали жевать и с любопытством следили за парнем.

Сдвинув брови, Савелий в третий раз решительно сунул поварешку в кастрюлю с супом.

– Ты чего, его есть будешь? – негромко удивился Пафнутий, отодвинув от себя глубокую тарелку, которую так и не заполнил.

– Я сейчас всё, что угодно, съесть смогу, – мрачно заявил одноклассник. Савкина настойчивость впечатляла. Но когда в третий раз он выудил помимо супа ещё и вилку, неизвестно как оказавшуюся в кастрюльке, мы просто попадали на пол от хохота.

– Ох, не могу, – простонала я, давась шаньгой, – не мучься уже, возьмите наш, с ним вроде всё в порядке! Мы с Леной не ели, так что ещё полно.

Савка бросил на нас хмурый взгляд и подошел с тарелкой.

– Какой это идиот так развлекался? – спросил он настолько грозно, что Оксана с Ольгой смех тут же оборвали.

– А мы почему знаем? – поразилась Ленка. – Мы за вашим столом не следим. Может, Егор с Ильей, а, может, дежурные по столовке прикололись. А ещё вариант – кто-то случайно насвинячил...

– Не виноватые мы, – подтвердила я и увлеченно помешала в кастрюльке половником, ничего интересного не обнаружила и несколько разочарованно обратилась к Савке, – забирай всё, вдруг во вкус войдете.

– Спасибо, Даша, – проявил вежливость Фунтик.

Савка тоже что-то буркнул и отбыл, крепко держа кастрюлю с водруженной на неё тарелкой.

– Да пожалуйста, – хмыкнула Ленка, – мы всё равно такую блевотину не едим...

Я фыркнула и укоризненно на неё посмотрела. Ольга фирменно захекала.

– Пойдемте, – Оксана отодвинула стул, – скоро уже звонок.

Мы нехотя поднялись, причем я продолжала жевать, и вальяжной сытой походкой отправились в кабинет физики.

Вторая физика прошла не так интересно, как первая, всё-таки начала сказываться усталость, поэтому подошедший урок английского мы, гуманитарии, восприняли как подарок богов. Разбредаясь по комнатам (для изучения языков класс был разбит на три группы согласно алфавиту), мы на сорок пять минут забыли о существовании русского языка, полностью погрузившись в иностранный. Я особенно старалась, сильно надеясь не ударить в грязь лицом в Луисвилле.

После урока мы пересеклись с Леной в коридоре (учились мы в разных группах и оттого слегка соскучились).

– Н-да, – пробормотала подруга, поглядывая на наручные часы, – перед физрой неплохо бы перекусить.

– И как ты с полным животом скакать будешь? – удивилась я.

– О полном речи не идет, денег столько нет, – философски вздохнула Лена. – Так, по шанежке, а?

– Ну не знаю, у меня же танцы... – засомневалась. – Я и так каждый раз, холодея, жду, что Ростик меня уронит.

Ленка радостно захихикала.

– Фунт же не ронял, – привела она аргумент.

– Фунтик – нет, но Ростислав на год младше, и вид у него такой испуганный, когда надо поддержку делать, что... в общем, не знаю, чего-то я ему не доверяю, – стыдливо призналась. – Но кушать и в самом деле хочется...

– А я о чем?! – воскликнула Лена и решительно пошла в сторону столовки. Я, слегка колебавшись, тоже. – В буфете как раз выпечка горячая должна быть. Съедем по булочке, всё веселее будет, а то я столько калорий на английский потратила, что, чувствую, протяну ноги в разгар спортивных состязаний.

– Что ж, – задумчиво пробормотала, лавируя среди гимназистов, – надеюсь, ещё одну булочку Ростик осилит...

Ленка фыркнула, бросив на меня насмешливый взгляд через плечо. Дорога до пищеблока не заняла много времени, тем более, что передвигались мы довольно энергично, чтобы ещё успеть переодеться до звонка. На буфетной витрине значились шанежки с повидлом (это что, те, которые не доели двумя часами раньше?), бутерброды с сервелатом и огурцом, манники и сладкие восьмерки с изюмом. Мы с Леной с сомнением переглянулись. Но тут – о радость! – внесли поднос с горячими, источающими божественный аромат шанежками «уральскими». Вообще – то это были обычные шаньги с картофельным пюре, не знаю, почему они шли у нас в гимназии под таким названием, может, из-за их размера, который равнялся моей ладони? Мы с Леной просияли, на губах заиграли довольные улыбки.

– Может, мы и не будем сегодня поддержку отрабатывать, – робко предположила я и пристроилась в очередь за кучерявым парнишкой из средних классов.

– Слушай, у меня денег только на обратный билет! – ахнула я, покопавшись в рюкзаке и обнаружив эту неприглядную истину во всей её неумолимости, – Опять забыла попросить, с утра вечно такая суматоха... Ты меня угостишь? – покляничла у Ленки.

– Само собой, – пожала плечами Груздева.

– Я всё отдам! – я сделала честные глаза и даже подняла руку, имитируя клятву бойскаутов (или правильное – герл – скаутов?)

– Да брось, какие счеты? – великодушно сказала Лена, навалившись бедром на стойку буфета. – Что я, подруге шаньгу не могу купить?

Вопрос был по сути риторический, но я всё же негромко пробормотала:

– Ты мне их уже столько накупала...

– А ты мне столько списать дала, – хмыкнула Лена и добавила мечтательно: – А сколько ещё дашь!

Мы дружно прыснули, и я успокоилась: о подобном бартере как – то раньше не думала.

– Три шанежки уральские, пожалуйста! – бойко отбарабанила подруга, протягивая сотенную купюру.

– А три – то зачем? – озадаченно прошептала я, пока ей отсчитывали сдачу.

– Не знаю, – фыркнула Ленка. – Пожадничала! Смотри, они какие, с пылу, с жару... Третью поделим пополам.

– Ростик меня точно не поднимет, – с печалью заметила я, но горячая выпечка в моих руках быстро это чувство рассеяла. Взяв несколько салфеток со стойки, я достала шаньгу из пакета и с удовольствием её надкусила. Восторг! Лена рядом хрустела второй. В полной жевательной гармонии мы вышли из столовки.

– Ни фиги себе! – послышался возмущенный вопль, вырвавший нас из нирваны. – Откуда хавчик?

– Из буфета, – хмуро ответили мы и слаженно сдвинулись, пряча от голодного взгляда Савелия пакет с оставшейся шаньгой. Забавно, ещё минуту назад я и не собиралась её есть, но теперь, увидев жадно заблестевшие глаза Заболоцкого...

– С картошкой? – прояснил ситуацию Савелий.

– С ней, – кивнула.

– Только что принесли! – поддразнила его Лена. – Вкуснятина, пальчики оближешь!

– Твои не стану, – неожиданно хмыкнул Заболоцкий, и мы с подругой потрясенно на него уставились, не сразу найдя, что ответить.

– Я и не предлагала, – наконец, выдавила из себя Груздева и отчего – то густо покраснела. Представила эту пикантную картину, что ли? У нас, гуманитариев, очень живое воображение.

– Слышь, Сереброва, дай денег, – потребовал Заболоцкий, подходя вплотную (я торопливо заглотила остаток шанежки, продолжая прикрывать попой пакетик с хлебобулочным изделием). Поскольку рот был набит до отказа, ничего вразумительного ответить не сумела и поэтому просто отрицательно и энергично помотала головой.

– Держи, – Ленка ссыпала на ладонь парню пару – тройку десятчиков.

– Спасибо! – обрадовался Заболоцкий и одобрительно хлопнул рукой по плечу, но почему-то меня. Я едва не закашлялась. И что это у него за тяга к тактильным контактам?! Савка резво побежал в сторону столовой, а я смогла, наконец, прожеваться.

– Зачем? – спросила Ленку. – Он же не отдаст!

– Не отдаст, так отработает, – пожала плечами подруга, – или будет вечно благодарен.

– Ага, жди! – фыркнула я. – Впрочем, твое дело. Давай что ли, доедим и третью, а то через пару минут звонок?

Шаньга исчезла тем же наработанным путем, что и предыдущие, и мы, торопливо простившись, разбежались: Лена на физкультуру, а я – на хореографию. Быстро переодевшись (раздевалка примыкала к танцевальному классу), я вошла в зал, где меня уже ждал мой партнер. Ростик приветствовал меня нервным кивком, и я поморщилась. Честно говоря, его испуганно следящий за мной взгляд порядком раздражал. Можно подумать, он с ходу определил, что я потяжелела на полторы уральских шаньги, и теперь всерьез опасался, что не справится с такой непомерной нагрузкой. Фунт вот никогда не смотрел испуганно, даже когда выпадал из реальности, а потом неожиданно в неё возвращался, обнаруживая себя в паре со мной. Я вздохнула и поздоровалась с Ростиславом, сделала это ласково, что, похоже, насторожило его ещё больше.

– Почему не разминаемся? – раздался строгий вопрос Нонны Витальевны, нашего преподавателя хореографии, и мы с Ростиком, поспешно с ней поздоровавшись, встали у станка. Через пятнадцать минут разминка была закончена, и Нонна Витальевна объявила, что сегодня отрабатываем танец Феи Драже и Принца Аршада, что, в общем-то, было ожидаемым, раз нас пригласили на занятие вдвоем. Хореография была адаптирована под ученические возможности и умения, но две простеньких поддержки в ней были оставлены, и я невольно почувствовала себя виноватой в обжорстве, заметив, как затравленно съежился Ростик. Тем не менее, он с первого раза смог меня подхватить и даже поднять, и вот, с высоты роста партнера, я обзрела не только весь танцевальный класс, но и всю свою творческую карьеру в целом.

А ведь я танцую главную партию, подумалось мне, и еду с ней покорять Америку! Кто бы мог помыслить такое в первом классе, когда мне не доверили даже роль Первой Мыши (не путать с мышинным королем) и я прыгала с остальными статистами в усато-хвостатой массовке? Первую Мышь (она отличалась от прочих тем, что обнаруживала и грызла рождественский пряник), кстати сказать, играла Ленка. Она ещё до школы занималась танцами и умела двигаться грациозно и в такт музыке. К сожалению, дальше блистательного дебюта дело не пошло: подруга была маленького роста, и если для Мыши это подходило (мышь она мышь и есть), то по мере взросления стало проблемой. Да и сама Груздева, то ли поняв, что главной партии ей в будущем не видать, а все прочие презрев, то ли не выдержав гимназической учебной нагрузки, а, может, и попросту обленившись, после начальной школы хореографией стала заниматься неохотно и к десятому классу окончательно с ней завязала.

Нонна Витальевна включила музыку, и репетиция пошла веселее: гениальное произведение Чайковского действовало вдохновляюще даже на нас, скромных гимназистов. Прозвенел звонок, но учительница сделалась только требовательнее, заставляя по нескольку раз отрабатывать одно и то же движение, доводя его до идеала. Отпустила она нас только ближе к четырем, то ли добившись желаемого совершенства, то ли осознав, что сегодня его уже не получит.

Я сомневалась, что Лена меня дождется, но она проявила чудеса дружбы и подкараулила меня возле вестибюля.

– Наконец-то! – с облегчением воскликнула подруга, отрываясь от переписки по мобильнику. – За это время Ростик мог уже в настоящего Щелкунчика превратиться!

– Он сейчас вроде как принц, – заметила я, радостно улыбаясь от того, что часть пути домой проведу в приятной компании.

– Ну, в настоящего принца он точно не трансформируется, насчет этого я не беспокоюсь, – насмешливо фыркнула Ленка, и мы одновременно протянули номерки дежурному.

Быстро одевшись (насколько возможно быстро, учитывая теплые штаны, носки, шапки, шарфы и варежки) мы покинули здание гимназии и проделали это с большим энтузиазмом: всё-таки время пятый час, а в перспективе ещё домашние задания по техническому циклу. Во дворе школы сновали ученики, а некоторые даже, как игривые щенки, валялись в сугробах, хотя у первой смены занятия давно закончились, а у второй были в самом разгаре. Мы с Леной, шутливо толкаясь, спустились по ступеням и направились к воротам.

– Эй, груздь-сыроежка! – раздался резкий окрик, и мы, озадаченно переглянувшись, обернулись.

К нам подкатывала, недобро усмехаясь, Валерия Бычкова в сопровождении неизменной свиты: двух девушек из класса, Гадельшиной Гульнары и Хвостиковой Елизаветы.

– А эта почему ещё здесь? – недоуменным шепотом обратилась ко мне Ленка.

– Она английским дополнительно занимается, – вспомнила я. – В Америку ехать готовится.

Не успела подруга выразить свое отношение к данному факту, как была атакована Бычковой:

– К тебе обращаюсь, Груздева! Не смей зариться на моего парня!

Точно Бычкова. Удивительно подходящая фамилия. Я бы даже сказала Быкова или Бычищева: стоит, разъяренная, руки в бока уперла, голову наклонила, как для удара, а в глазах горит мрачный огонь. Я даже вниз посмотрела – не бьет ли она копытом, пардон, ногой, о землю. Кажется, нет, но всё равно впечатляет, да так, что даже обычно находчивая и языкая Лена дар речи потеряла.

– Нельзя ли повежливее? – холодно спросила, догадавшись, что вербальной реакции от подруги, судя по выпученным глазам и отпавшей нижней челюсти в ближайшее время ожидать не приходится.

– Об Илье она размечталась! – Бычкова сменила ярость на издевательскую насмешку и обвела своих прихвостней (или как это слово в женском роде?) призывным взглядом – те верноподданчески захихикали-захмыкали, обступая нас. – Что ты о себе возомнила, грибок-недомерок?

– За языком следи! – разозлилась я и сделала угрожающий шаг вперед.

Бычкова слегка поменялась в лице, а её подружки немножечко так, легонько, но отшатнулись. В общем-то, меня тоже можно разозлить, и смотрюсь я при этом не хуже некоторых.

– Дарья, не вмешивайся, тебя это не касается, – отчеканила Валерия.

– Ошибаешься, – возразила я и подумала: если дело дойдет до физических действий (а всегда лучше просчитывать самый худший вариант), то набитый вещами рюкзак будет мешать, и оттого я неторопливо спустила его с плеча и аккуратно поставила возле ног, придерживая за лямки. И тут – о чудо! – не на шутку струхнувшая Лена пришла в себя.

– Ты чего, Лерка, белены объелась? – потрясенно молвила Груздева. -

Из -за чего разборки-то?

– Об Илье забудь! – рявкнула Бычкова так, что подруга даже присела. – Даже смотреть в его сторону не смей!

– Да пожалуйста, – пробормотала Лена, понятиливо кивнув, а меня вдруг заело.

– У нас свободная страна, – глубокомысленно заявила. – Смотреть можем на кого угодно и сколько угодно, а уж мечтать и подавно!

– Смотри, да дыру не протри! – вставила Гуля, видимо, чрезвычайно собой довольная.

Какое оригинальное замечание! Но вести диалог стоит только с главарем.

– Опасаешься за сохранность своего милого – обряди его в паранджу, – посоветовала я Валерии и с радостью увидела, как Ленка устремила на меня заискрившийся смехом взгляд.

Ура, вот и Груздева вернулась, а то стоит бледная, трясущаяся, словно первоклашка!

– Ты из-за алгебры, что ли? – миролюбиво обратилась подруга к Лере. – Да я просто так сказала насчет пересесть!

– Вот и перестань глупости болтать!

– Ревнуешь?! – поразила я. – Лена, она тебе льстит!

– Очень надо! – хмыкнула Бычкова, окидывая нас пренебрежительным взглядом. – К кому ревновать-то? К Груздевой? Кто я, а кто вы!

– Кто? – заинтересовалась я. – Девушки?

Ленка весело захихикала, но под давлением мрачных физиономий нападавших быстро стихла.

– В общем, Груздева, – Валерия намеренно меня игнорировала и даже попыталась слегка подвинуть плечом, приближаясь к Ленке. Я не подвинулась. – Знай свое место и не беси меня. Он на тебя и не взглянет, так что не делай из себя дуру.

Тут она тряхнула длинными сверкающими локонами, рассыпанными по плечам (получилось не так эффектно, как планировалось, потому что волосы сверху были примяты вязаной шапкой и особо красиво не разлетелись) и молвила уничтожающе, не спуская с Ленки злых глаз:

– Не тебе со мной тягаться!

Повисла тяжелая пауза, которую следовало срочно прервать.

– Всё сказала? – скушаяще осведомилась я. – Валите теперь.

– Вот-вот, – поддержала меня Ленка. – Вон и твой личный транспорт пожаловал!

Бычкова кивнула своим подружкам, и они отчалили, торопясь сесть в симпатичную иномарку, которую Леркин папа ежедневно по звонку присылал за своей дочуркой.

– Вот стерва! – всё еще слегка ошарашенно прокомментировала Лена происшедшее.

– Ага, – согласилась я, провожая компанию взглядом.

– И машина у неё с личным шофером! – продолжала подруга.

– Ага, – снова не стала я возражать.

– А нам на автобусе пилить и пилить, – сообщила Лена очевидное.

Я перевела на неё взгляд и фыркнула.

– Догони, – предложила. – Может, подвезут?

– Это точно! – Груздева захихикала, но вдруг неожиданно замолчала, замкнулась в себе и сосредоточенно потопала к выходу со школьного двора. Я недоуменно пожала плечами и отправилась за ней. Целую минуту подруга задумчиво хмурилась, погруженная в неведомые мне думы, и я уже начала с беспокойством на неё коситься, как Лена резко затормозила и сразила меня прямым вопросом:

– Как думаешь, Илья может на меня запасть?

– Что?! – исторгла я громогласный, полный глубоких и искренних чувств вопль, подобно актёру древнегреческого театра.

– У нас с Ильей может что-нибудь получиться? – терпеливо разъяснила Груздева и требовательно воззрилась на меня.

– Тебе непонятно объяснили, что если хочешь жить спокойно, то про парня забудь?! – недоверчиво спросила я.

Лена дернула плечом и досадливо поморщилась.

– Я не об этом, – заявила она. – Скажи честно, я Лерке конкурентка?

И поскольку я потрясенно молчала, неистово моргая, подруга уточнила:

– Ну, может Илья в меня влюбиться?

– Теоретически, конечно, может, – уклончиво ответила, не желая её расстраивать.

– Теоретически! Ясно, – хмыкнула Груздева. – А вот практически бросить злобную стерву, но зато с папашей-миллионером, это вряд ли.

– Илья бы и без папашы её не бросил, – примирительно заметила я, ободряюще пихнув Лену в бок. – Лерка красивая и всегда следит за собой. Они смотрятся вместе, что есть, то есть.

– Легко следить за собой и выглядеть отменно, когда есть прислуга и фирменных шмоток полон дом, – ворчливо откликнулась Лена и, помолчав, с завистливым вздохом спросила: – Ты видела, какая у неё новая шубка?

– Трудно не увидеть, – ответила. – Давай всё же на остановку, домой хочу.

Мы пошли рядышком, особо не торопясь.

– Норковая, из цельных шкурок, и застёжки эффектные, со стразами, – развила свою мысль подруга и бросила философски: – И откуда ей такое счастье?

Я подумала и выдвинула гипотезу:

– У Валерии в прошлом месяце был день рождения, вот ей папа и подарил.

– Не-а, – помотала головой Ленка. – На день рождения ей подарили сережки с бриллиантами, не помнишь разве, она целый день ими хвасталась?

– Теперь вспомнила, – призналась я и бросила на подружку лукавый взгляд. – Да ладно, у тебя тоже пуховичок симпатичный, не переживай.

– Китай! – важно сказала Ленка, хихикнув.

– Ух ты, фирма! – одобрила я. – Хотя, знаешь, сейчас всё Китай, куда не сунься, может, и Лерина шуба оттуда. Главное, пуховик у тебя тёплый и новый, а норку в школу таскать – какой смысл? – тут я, опустив глаза, заметила потертости от рюкзака на собственном одеянии и улыбнулась. – У меня вообще пальто позапрошлогоднее, хорошо, что сильно не выросла.

– А чего так? – посочувствовала Ленка, выдвигаясь на пешеходный переход и внимательно оглядывая дорогу на предмет наличия угрожающих транспортных средств.

– А зачем? Вхожу же ещё, рукава только чуть коротковаты, – ответила я, устремляясь за подругой. – Мы решили, что купим лучше перед институтом.

Тут я мечтательно вздохнула:

– Хочу себе что-нибудь крутое.

И снова вздохнула:

– В общем-то, я надеюсь в институт всё-таки попасть.

– Попадешь! – уверенно заявила Ленка. – У нас в гимназии девяностопроцентная поступаемость в ВУЗы, а те, кто не поступает, просто не хотят.

Мы перешли дорогу и уютно расположились на скамейке остановки. Вообще-то Лене нужно было ехать в другую сторону, но она всегда любезно составляла мне компанию, дожидаясь, когда сперва придет мой автобус. Раньше с четвертого класса мы ездили с ней вместе, так и зародилась и окрепла наша дружба, но два года назад моего папу повысили, и, видимо, существенно, потому что этим летом мы переехали в коттеджный поселок «Лесной» в пригороде, в свой собственный небольшой, но очень симпатичный дом.

Обдавая клубами выхлопных газов, подрулil грязноватый автобус, но Лена удержала меня за руку.

– Давай до следующего, а? – попросила она.

Что ж, сегодня после математик мы заключили деловое соглашение с ещё двумя подружками – Олей и Оксаной – и поделили задания по алгебре на четверых. На Груздеву, правда, особой надежды не было, но вот Ольга с Оксаной вполне могли справиться со своей частью, и потому домашка представлялась облегченной минимум наполовину. Так что я приподнялась, натянула пальто пониже, чтобы сидеть было теплее, и согласно кивнула.

– А я думала, до драки дойдет, – фыркнув, обронила Лена, возвращаясь мыслью к стычке с одноклассницами, и поерзала на скамейке.

– Я тоже приготовилась, хоть и не верила, – призналась. – Мы же всё-таки гимназия, а не колония для малолетних преступников. У нас и среди парней-то потасовок почти не бывает, тем более, среди девочек. Даже, – тут я развернулась к Ленке и ехидно заулыбалась во весь рот, – даже по таким животрепещущим вопросам, как право собственности на мальчиков.

– Умом-то я это всё понимала, – задумчиво протянула Груздева, посмотрела на меня и откликнулась на улыбку, хихикнув. – Но когда такой наезд неожиданный... И да, чего ты ржешь, вопрос в высшей степени насущный, для женской гимназии-то!

Мы пофыркали, покачали головами, переглянулись вроде с иронией, но грустной: всякому ясно, что такой тип учебного заведения, как наш, да ещё с обязательной хореографией в начальной школе, обилием симпатичных brutальных мальчиков похвастаться не может. Да

и вообще обилием мальчиков, любых, не будем привередничать. Например, в нашем классе на шесть пацанов приходится восемнадцать девочек, это по три девчонки на каждого! При этом на звание симпатичных и brutальных парней тянут только Илья, Егор, ну и... я нахмурилась, но вынуждена была признать... Савелий. Савка даже больше, чем Егор, он качается, и по очертаниям фигуры становится похож на молодого мужчину, а не на долговязых червячков, как оставшиеся три одноклассника: Фунтик, Эрнест и Ясик (в развернутом виде – Ярослав). Но Пафнутый, тот хоть ростом вышел, а Эрнест и Ясик... я горько вздохнула. И какие романтические отношения могут возникнуть при такой ограниченности выбора с одной стороны и жесткой конкуренции с другой? Как бы не зареветь от отчаяния...

Ситуация у «бэшек» была получше – восемь мальчиков, а у «вэшек» так вообще целых десять, что вызывало легкую меланхоличную зависть, а у Лены ещё и настойчивое желание проводить почаще перемены возле их кабинета. Вдруг свезет?

– Надо, надо срочно завести себе парня, мне уже скоро восемнадцать! – сосредоточенно пробормотала подруга и вдруг подскочила на попе, озаренная. – Слушай, может, в спортивную секцию запишемся? Ну, в какую-нибудь, где мальчиков побольше бывает?

– Лена, какая секция?! – искренне возмутилась я. – Меня на учебу с хореографией едва хватает! И про ЕГЭ не забывай!

– Н-да, – мрачно протянула Груздева. – В соцсетях тоже особо ловить нечего... Это пока со всеми перевстречаешься, сколько времени впустую уйдет!

Она потеряла завязки на пуховике и деловито констатировала:

– Что ж, возвращаемся к одноклассникам.

– И снова здравствуйте! – съехидничала я.

– Вот именно, – невозмутимо подтвердила подруга и нерешительно добавила: – Даш, может, мне с Фунтиком замутить?

Я моргнула.

– Я знаю, что ты ему нравишься, но тебе-то Фунт безразличен, а? – Ленка заглянула мне в лицо. – Он парень вроде неплохой, добрый, опять же родня в Америке ...

– Лена! – потрясенно выдохнула я, а подруга между тем продолжала:

– Надо как-то так половчее взяться, чтобы к выпускному уже всё точно было. Не идти же мне на бал одной, без пары?! Что скажешь?

– Я не знаю, – честно ответила. – Мне такое в голову не приходило. Ну, попробуй, если хочется...

Тут я прервалась, поправила шарф, потом шапку и спросила как можно небрежнее:

– А с чего ты взяла, что я ему нравлюсь?

– Так это видно, – пожала плечами Ленка. – Он в реальность-то возвращается, только когда ты рядом.

– Да? – польщенно обронила я и тут же, спохватившись, закричала: – Всё, всё! Мой автобус! Пока – пока!

Мы торопливо чмокнулись, и я запрыгнула на подножку.

Только оказавшись в транспорте, вспомнила, что так и не рассказала подруге о встрече с беловолосым незнакомцем. Хотя что я могла рассказать об этом интересного, если ничего не добавить выдуманного? Увидела парня без шапки, он мне улыбнулся? Да уж, впечатляющее событие! К тому же теперь не была уверена, что красавчик улыбался именно мне: я же не обернулась, может, за моим плечом кто-нибудь стоял, и я приняла на свой счет адресованное другому? Должно быть, этот человек и посадил его в свою машину. Автобус ехал, не спеша, а мне надо было до конечной, так что вполне хватило времени, чтобы утвердить себя в этой мысли, а чертам лица незнакомого парня – стереться из памяти.

За две остановки до моей автобус заметно опустел, я отыскала свободное сиденье с подогревом и проделала остаток пути в комфорте. Вскоре, согревшаяся и отдохнувшая, я выгру-

зилась на конечной и потопала мимо шлагбаума на территорию поселка «Лесной», где и проживала уже четвертый месяц. Кстати, где-то здесь же обреталась и Лера Бычкова, только в центральной части, где высились крутые дизайнерские особняки, а не типовые коттеджи, как у меня. За все это время я так и не удосужилась разыскать её дом, но, поскольку меня никто в гости не приглашал, а просто поглазеть я считала неприличным, то и не особо об этом сожалела. Подложив руку под ляжку рюкзака на плече (к концу дня он стал заметно тяжелее) я добрела по ухоженной дорожке до крайнего участка и, как всегда за последние месяцы, остановилась, очарованная. Было очень тихо, красиво и... дико.

Стоял ноябрь, снега в этом году выпало ещё не слишком много, но достаточно, чтобы покрыть всё вокруг нарядным белым покрывалом. Недалеко темнели деревья, и если встать к соседнему коттеджу спиной (что я и сделала), то казалось, что на всем свете есть только эти бескрайние белые пространства, загадочный зимний лес и – такой крохотный и одинокий среди них – мой дом. Конечно, стоило только поменять ракурс, и становилось понятно, что он вовсе не одинокий, таких целая улица, и уж совсем не маленький (особенно по сравнению с нашей бывшей двухкомнатной квартирой), но иллюзия уединённости и гармонии с природой была просто волшебной, и я до сих пор радовалась, что нам достался именно крайний дом. Было и ещё одно достоинство в таком расположении: рядом находилась расчищенная общая площадка для отдыха с двумя скамейками, детской горкой, фонарем и восхитительно огромными, мощными березами. Раньше у меня с этим деревом ассоциировались эпитеты «тонкая», «стройная», «гибкая», «милая», да и не береза, а, скорее, березка, но то, что произрастало на этом участке, тонкими березками назвать было невозможно, а вот крепкими березищами – очень даже. Покосившись с привычным восхищением на бело-черных гигантов, чьи толстые ровные стволы едва могла обхватить обеими руками, я поднялась по ступеням крыльца и, сбив снег с угли, вошла в дом.

– Даша! – на меня налетел мини-вихрь в лице брата Арсения и едва не сбил с ног. Кроме того, поскольку как раз в этот момент я наклонилась, чтобы переобуться, лохматая голова младшего брата заехала аккурат мне в правый глаз и сделала это весьма чувствительно.

– Арсюшка! – охнула я, приседая и инстинктивно хватаясь одной рукой за братишку, а другой – за пострадавший орган зрения, в котором эффектно вспыхнули и завертелись скопления звезд, каких именно – опознать не успела.

– Чего, чего? – завертелся Арсений. – Больно, да? Я не нарочно, я тебя ждал! Пойдем гулять!

– Подожди, дай хоть умоюсь холодной водой и переоденусь! – я оторвала от себя брата, который тут же заскакал рядом, как резвый козленок, и, проморгавшись и сбросив угли, направилась в ванную.

– Тебя кто привез? – крикнула я.

Арсений имел счастье ходить в первый класс той же гимназии, что и я. Честно говоря, я бы ему, как особе мужского пола, пожелала бы другой судьбы, но родители решили, что школа наша приличная, рейтинговая, да и сестра всегда с уроками поможет, оттого в этом сентябре мы и отправились в тридцать вторую гимназию вместе. Я до сих пор не поняла, был ли родительский выбор верен: никаких пристрастий к языкам или хореографии Арсюшка до сих пор не выказал, а то, что его постоянно сравнивали с сестрой-отличницей, скорее мешало, чем стимулировало.

– Татьяна Ивановна с Владиком, – охотно сообщил брат, появляясь в дверях.

Понятно, кто же ещё? Татьяна Ивановна – мама Арсюшкиного одноклассника, и они, условно говоря, наши соседи. Условно – потому что поселок довольно обширный, и я только приблизительно знаю, где их дом. По утрам мы с братом обычно шлепаем до автобусной остановки пешком, иногда везет и до школы нас подбрасывает папа, а вот возвращаемся мы уже по отдельности: всё-таки в первом классе трудовой день покороче и заканчивается к обеду, тогда,

когда мои рабочие подвиги только набирают обороты. Арсюшку старается забирать мама, у неё как раз перерыв, но если не получается, то нам всегда помогает Татьяна Ивановна, привозя в поселок обоих мальчишек. Соседка – домохозяйка и сама распоряжается своим временем, что бывает очень кстати, учитывая гибкое расписание школьных занятий и кружков. Сегодня у Арсения были какие-то внеклассные мероприятия, и он ещё дремал, досматривая последние самые сладкие сны, пока я в одиночестве продвигалась к общественному транспорту. Повезло ему сегодня, и выспался, и уроков не было!

– Даша, пойдем гулять! – заныл Арсений, услужливо подавая мне полотенце.

Я вытерла руки и лицо, аккуратно промокнула слегка дергающийся глаз.

– Ты ещё не набегался за день, что ли? – нахмурилась.

– Набегался? – Арсюшка забавно приподнял домиком русые брови. – В кукольном театре?

Я улыбнулась.

– Вы только в театр ходили?

– Нет, потом ещё занятие в музее было, про динозавров.

Я захихикала. Действительно, трудновато было брату резвиться сперва в театре, а потом в музее, не приспособленные это объекты для выхода энергии первоклассников, в школе хоть перемены бывают.

– А домашку всю сделал? – спросила я, сделав строгое лицо.

– Да, – ответил Арсений, но как-то неуверенно.

Снова заулыбалась. В конце концов, я ему не родительница, а отдохнуть от уроков и сама была не прочь.

– Ладно, – кивнула. – Позвони маме, спроси, что там с ужином, а я пока переоденусь и спущусь.

Быстренько перекинувшись в болоньки и походную водолазку, я буквально скатилась с лестницы в прихожую, где меня поджидал уже полностью одетый Арсений с лопатой в левой руке и ледянкой – в правой. Возле ног стояли санки. Я хмыкнула.

– Что мама?

– Сказала курицу разморозить. Ужин в восемь, не опаздывать, – отрапортовал брат.

Я кивнула и отправилась на кухню – достать курицу из морозилки и положить в кастрюлю с теплой водой, потом вернулась и скептически посмотрела на салазки:

– Ты же меня не утащишь!

– Это для тебя! – хрюкнул Арсюшка.

– Я и говорю, для меня, – с умным видом подтвердила. – Чтобы ты меня вез.

– Чтоб ты меня везла! – подпрыгнул брат.

– Тебя? Такого огромного? – изумилась я и застегнула болоньевую куртку, сокрушенно покачав головой. – Ну, не знаю, не знаю, тебе сколько лет, семь? А весишь на все восемь!

Мое пародирование известного мультфильма брат не оценил и воскликнул наивно:

– Так мне скоро восемь!

– Ну вот, – огорчилась, – восьмилетнего мальчика я уже не утащу, был бы ты помладше...

– Мне пока семь! – заверял брат, размахивая ледянкой.

Так, препираясь, мы вышли на крыльцо (Арсений ногой выпихнул из дома и санки) и закрыли дверь на все замки. Хоть и живем в приличном месте, но осторожность никогда не помешает.

Пошел снег, мягкие пышные хлопья вились в воздухе и медленно оседали на землю. Это было настолько фантастически красиво, что я разомлела и отбуксировала Арсюшку к игровой площадке на санках, не став его разочаровывать. Там он стал деловито копать нору в сугробе, выдавая её за жутко секретный военный потайной лаз. Я хохотала, время от времени его в этот лаз пихая. Наконец, он бросил лопату и погнался за мной. Запыхавшись, мы взгромоздились

на горку, я кое-как подсунула себе под попу ледянку, брат ухватился за мои плечи, и мы с довольными воплями скатились вниз. Конечно же, Арсений не удержался на ногах и плюхнулся на меня, отчего и я в конце спуска завалилась на бок. Я лежала, уткнувшись лицом в снег, и пыталась спихнуть с себя брата, который не только не торопился слезть, но ещё и нарочно напрыгивал, чтобы повалить меня обратно.

– Уймись, ребёнок! – засмеялась я, отфыркиваясь.

– Я – царь горы! – восторженно кричал Арсюшка, дрыгая ногами во все стороны.

– В царя играют на снежной горе, а не на сестре! – резонно возразила я и, ухватив самодержца за сапог, стащила с себя и подмяла.

– Так, теперь моя очередь! – заявила я и плотоядно улыбнулась, оскалив зубки. – Бойся, мальчик, я – страшный голодный вампир!

– Не ешьте меня, тётяшка вампир! – тоненько завизжал Арсений. – Я совсем не вкусный!

– Какая я тебе тётяшка?! – возмутилась, елозя брата по снегу. – Мы вампиры – вечно юные и прекрасные!

– А почему вы красные? От крови? – искренне удивился брат и даже вырываться перестал.

– Ну всё, теперь я тебя точно съем! – обиделась я и уже примерилась вонзиться острыми клыками в нежное детское горло, как рядом раздалось вежливое, негромкое, но вполне отчетливое:

– Привет!

Пришлось торопливо втягивать клыки обратно и отпускать с таким трудом пойманную добычу, в смысле: собрать разъехавшийся по всему лицу в широкой улыбке рот и отдернуть скрюченные пальцы от Арсения.

Вообще-то на этой площадке обычно никого не бывает, кроме нас, тем более, зимой. Только поздно вечером дядя Витя гуляет со своей таксой, но сейчас ещё и семи нет. Так что появление третьего лица стало неожиданностью, и конкретно для меня – малоприятной. Не солидно как-то для ученицы выпускного класса уважаемой гимназии валяться по сугробам или клацкать на всю округу зубами, сидя верхом на собственном брате. Я поспешно подхватила повисшую на левом ухе шапку и вытерла лицо варежкой. Хм, лучше бы я этого не делала: варежки были мокрыми, холодными, успели уже подледенеть, и лицу от этого стало не суше, а гораздо хуже.

– Здравствуйте, – ответила, стараясь сдержать и недовольство, и смущение, сползая с Арсения и помогая тому сесть.

– Здравствуйте! – откликнулся и брат, но куда с большим энтузиазмом, и с интересом устался на незнакомца. Я приладила шапку на макушке, утерла снежный нос шарфиком (той его частью, которая сохранила сухость и чистоту) и сделала то же самое.

Упс! Незаметно подкрался ноябрьский вечер, вокруг ступились первые таинственные сумерки, усиленные парящими снежными хлопьями, но ни те, ни другие не помешали мне узнать в незнакомце беловолосого парня с автобусной остановки.

Ох, хорошо, что успела поздороваться, ещё не глядя, потому как сейчас могла только тупо моргать, сгорая попеременно от стыда, волнения и щемящего бешеного восторга.

– Ты не хочешь подняться? – спросил парень, разглядывая, в свою очередь, нас с Арсюшкой, и я только сейчас осознала, что продолжаю сидеть на коленках в снегу. Кивнула, не доверяя своему голосу, залилась краской (ну, теперь я точно красный вампир!) и закопошилась, с ужасом представляя, как сейчас шлепнусь перед незнакомцем на карачки или поскользнусь и прибью собой Арсения.

Парень протянул руку и, схватив меня за рукав, одним рывком поставил на ноги. Брат, зацепившись за меня, поднялся тоже. Я с облегчением перевела дыхание: кажется, удалось встать и не опозориться.

– Спаси... – благодарно квакнула я, от смущения даже не договорив. Да что это со мной такое? Хотела романтики, так теперь и веду себя как трепетная барышня из романов и сериалов? Может, ещё и в обморок показательно упасть?

– Я помешал? – взглядевшись в моё смурное лицо, спросил белоголовый.

Отрицательно помотала головой. Ну конечно, у меня же голоса нет! Я могу теперь только кивать или не кивать, или что-то маловразумительно квакать. Вообще-то я остроумная, даже ехидная, но боюсь, что беловолосый парень об этом никогда не узнает.

– Мне уйти?

Я резко вскинула на него глаза. И дело было не в том, как он себя вел, попадаются сейчас и вежливые воспитанные юноши, я, как ученица супергимназии, могу это подтвердить, нет, дело было в его интонации. Он сказал это... расстроено, с отчетливо слышимым сожалением, и это произвело на меня такое сокрушительное впечатление, что я тут же поняла, что не могу, не могу, не могу ни за что его отпустить. Я инстинктивно вцепилась в его руку, которая продолжала поддерживать меня, мгновенно заледенев от страха расстаться, едва встретившись.

– Нам нельзя говорить с незнакомцами, – важно вступил в беседу Арсений, стряхивая снег с колен, и я почувствовала к нему горячую признательность: хоть кто-то из нас в состоянии поддерживать разговор.

– Тогда давайте знакомиться, – улыбнулся парень.

– Арсений, – с достоинством представился брат, покосился на меня и добавил: – А это Даша.

Я кивнула, а брат задумчиво прокомментировал:

– Вообще-то она умеет говорить, даже на трёх языках.

Фыркнула иронично, глупое волнение оставило меня, и я поспешно отпустила рукав незнакомца.

– Даша, – сказала я уже сама за себя, и мы с братом с одинаковым любопытством поглядели на беловолосого.

– Очень рад, – мило улыбнулся тот. Очень рад? И всё? А его имя?

– Хочешь скатиться с горки? – любезно поинтересовался парень у Арсения.

– На ногах? – деловито уточнил Арсюшка.

– Конечно.

– На ногах я не устою, – вздохнул брат.

– Я тебя удержу, – пообещал беловолосый, и я встревожилась, не из-за Арсения ли он к нам подошел? Может, он любит детей или мечтает о младшем брате, а я тут затрепыхалась, как дурочка?

Но тут парень перевел взгляд на меня и мягко спросил:

– А ты, Даша?

Я заглянула в его глаза – пронзительного ясно-голубого цвета, – и сердце опять забилося где-то в горле, мешая говорить. С трудом утолкав сердце на место, прокашлялась и ответила:

– Я стоя не катаюсь.

Подумала и добавила с извиняющейся улыбкой:

– Боюсь упасть неудачно.

И уж, конечно, мне бы не хотелось свалиться тушей при симпатичном парне или ногу подвернуть перед поездкой в Америку, это последнее я уже произнесла про себя.

– Я удержу вас обоих, – уверенно заявил беловолосый, увлекая нас к горке.

Арсюшка побежал веселым козленком, а я сопротивлялась: мне руки – ноги беречь надо, столько труда в них вложено, но парень улыбнулся так... зажигательно, что сама не поняла, как оказалась наверху. Тут я слегка дрогнула: горка была довольно высокой, а полоса перед ней – длинной и ледяной, и я совершенно некстати вспомнила, что последний раз каталась стоя

кучей малой с одноклассниками лет пять назад и решила бесповоротно с этим делом завязать, когда в итоге одновременно Ленкин локоть угодил мне в зубы, а ботинок Заболоцкого – в ухо.

– Даша, ничего не бойся, – шепнул беловолосый и обхватил меня за талию.

И странно, эти интимные шепот и прикосновение (всё-таки, несмотря на зимнюю одежду, меня впервые обнимал совершенно незнакомый парень) не взволновали меня, а полностью... успокоили. Всё было так...поищу подходящее слово...правильно: его дыхание на моей щеке, его рука на моей талии, и огромные хлопья снега, феерично танцующие в подступающей темноте. Я с удивлением поняла, что доверяю этому человеку. Абсолютно.

Арсюшка стоял первым, я держала его за плечи (или держалась?), а беловолосый приобнимал нас обоих.

– Поехали! – скомандовал он, разбежавшись, и я тоненько, совсем по-девчачьи, взвизгнула.

Вау! Как любит многозначительно повторять моя лучшая подруга: адреналин. Да уж, адреналин! Мы словно не скатились, а слетели с горки – стремительно, невесомо, бешено, честно говоря, я ожидала, что в финале мы всё же грохнемся – такая приличная была скорость, что Арсений голосил без перерыва, – но незнакомец сумел удержать нас всех, ловко балансируя и перехватив брата за рукав.

– Круто! – выдохнул Арсюшка.

– Ещё раз? – предложил парень.

– Да! – мы вскричали с братом дружным восторженным хором, и я сама себе удивилась. А как же моя обычная осторожность? Мне через две недели танцевать в Америке, а что, если вдруг... Додумать уже не успела, потому что неслась вниз по склону так, что в ушах свистело, а лицо покрылось снежной корочкой.

Вау! Вот мы и внизу! Я всё-таки запуталась в ногах и не упала только благодаря незнакомцу, на котором повисла всем телом. Парень затормозил, нас с Арсюшкой качнуло, но не бросило, и я счастливо рассмеялась.

– Ещё, ещё! – заканючил брат.

– О, нет, я – пас, – качнула головой, продолжая улыбаться. – И ты стоя один не смей, а то мне мама голову открутит!

– Да у меня вон какая куртка толстая! – горячо завозражал Арсений. – Ничего мне не будет! Она защитит!

– А ноги? – нахмурилась я. – В общем, нет.

Арсюшка попыттел, бросил пару призывных взглядов на беловолосого, но потом всё-таки подобрал ледянку и потопал к горке. Я улыбнулась и развернулась к парню. После катания я была вся такая... заводная, что даже рискнула дружески ему предложить:

– Поболтаем?

Он кивнул, и мы уселись рядышком на одну из скамеек. Прямо над нашими головами зажегся большой литой чугунный фонарь, разгоняя сумрак, и я смогла лучше рассмотреть незнакомца (называть его знакомым я как-то стеснялась, учитывая односторонность этого процесса).

Ах, вот подарок так подарок! Это мне за отличную учебу и примерное поведение, не иначе, подумала я, вновь начиная волноваться. И если это ответ на мои романтические грезы – то да, тысячу раз да! Лицо парня было не просто симпатичным, а по-настоящему красивым, с правильными, даже тонкими чертами и выразительными ясно-голубыми глазами миндалевидной формы, а белые волосы не только не делали его бесцветным, наоборот, они ставили последний яркий акцент в его внешности, надолго приковывая внимание. По крайней мере, моё уж точно. Парень перехватил мой взгляд (немудрено, учитывая, что он от него и не отрывался) и медленно улыбнулся. Сверкающая белизна его улыбки успешно соперничала и с льняными волосами, и со свежевывающим снегом. Судорожно сглотнула. То, что он на голову выше

меня, заметила, когда мы стояли на горке, но теперь в свете фонаря я поняла, что он и выглядит где-то на пару лет старше. Наверное, уже студент. Забеспокоилась: никак нельзя случайно проговориться, что я ещё школьница, вдруг он не захочет связываться с малолеткой? А то, что я хочу с ним дружить, и очень, я была уверена.

С трудом сумела отвести от него глаза и, сняв варежки, вытерла щеки ладонью: они были сплошь мокрыми от снежных хлопьев. Мы всё молчали, и я начала лихорадочно придумывать тему для разговора. Снова бросила один взгляд на парня на скамейке, второй... Казалось, его наше молчание не напрягает. Казалось, его вообще ничего не напрягает: ни моё соседство, ни орущий Арсюшка, ни внезапно поднявшийся пронизывающий ветер, закруживший в вихре снежинки и бросающий их в лицо. Я поправила шарф и посмотрела с сомнением на легкую спортивную куртку соседа, его простые джинсы, кроссовки, которые зимними назвала бы с трудом и...о ужас! ...руки без перчаток.

– Мёрзнешь? – мрачно и даже с нотками обвинения спросила у беловолосого.

– Я? – удивился тот, проследил мой взгляд, полный не то что неодобрения, а откровенного кошмара, и торопливо убрал руки в карманы куртки. Видимо, чтобы меня не нервировать. Поёжилась зябко: свои-то конечности я давно уже упаковала хоть и в слегка влажные, но толстые и теплые вязаные варежки.

– Нет, – сказал парень, и я скептически хмыкнула.

– Ты морж? – выдвинула гипотезу.

– Почему – морж? – парень воззрился на меня невозможно голубыми озадаченными глазами и спросил неуверенно: – Это ведь такие арктические животные?

– Это такие люди, – фыркнула. – Которые любят закаляться и для этого плавают зимой в различных суперхолодных водоемах, типа прорубей.

– А! – парень сделал движение белесыми бровями. – Нет, я не морж.

– И не закаляешься? – допытывалась я.

– А... зачем? – с легкой задумчивостью и таким же интересом молвил он.

Я вздохнула. Да, что-то у меня с общением сегодня не очень, то слова выдавить не могу, а то вообще в происходящее не въезжаю. Это я такая тупая, или это он такой загадочный?

– Тогда почему ты так одет? – сурово нахмурилась. – Что-то случилось?

– Что? – парень хлопнул ресницами недоуменно и поспешно добавил: – Даша, мне не холодно.

А я вдруг пришла от самой себя в ужас: и что это я делаю?! Допрашиваю понравившегося парня с пристрастием? Я тут же попыталась мило и располагающе улыбнуться. Зачем я к нему пристала? Чего придираюсь? Да, он не принц, и не миллионер, и, может, даже не студент, и странноватый какой-то, но... вы помните о моих шести одноклассниках?!

– Извини, – смущенно пробормотала, посоветовав себе держаться дружелюбнее, и держалась целую минуту или около того, но потом всё же не выдержала. – Да как может быть не холодно?! Меня от одного твоего вида дрожь пробирает, а ты говоришь... Вечер же, подмерзло всё!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.